

Провокация у Павильона, где слушают снег

Когда сигнальная лампа жизни Хай Цюншаня погасла, в школе поднялся переполох.

Хай Цюншань был не простым учеником. Он был не только личным учеником Юнь Сыгуя, но и наследником клана Гор Южного и Северного морей. Его смерть нельзя было оставить без внимания.

Как только лампа погасла, об этом тут же доложили Юнь Сыгую.

Когда Те Хэнцю чуть не сгорел заживо, Юнь Сыгуй спокойно принимал гостей и лишь через несколько дней соизволил его навестить.

Но сегодня всё было иначе.

Глубокой ночью, когда роса уже легла на землю, сам глава школы, Юнь Сыгуй, поднялся с постели и лично возглавил поиски на Утёсе Раскаяния.

С ним отправились и несколько самых уважаемых старейшин.

Прибыв на место, они не обнаружили ни живого, ни мёртвого Хай Цюншаня. На краю утёса были следы борьбы, но их было немного, и в основном это были следы от меча Хай Цюншаня.

Увидев это, Юнь Сыгуй помрачнел и обратился к старейшине Зала Правосудия:

— Что ты об этом думаешь?

Старейшина Зала Правосудия, нахмурившись, внимательно осмотрел следы и медленно произнёс:

— Судя по этим следам, удары Хай Цюншаня были сильными, но хаотичными. Очевидно, он был застигнут врасплох и не мог оказать достойного сопротивления. Нападавший же почти не оставил следов, что говорит о его точности и хладнокровии. Он полностью контролировал ситуацию.

Он сделал паузу и продолжил:

— Кроме того, следов борьбы очень мало. Это значит, что бой был коротким, возможно, всё решилось одним ударом. Хай Цюншань был сильным совершенствующимся, и одолеть его с

таким преимуществом мог лишь очень могущественный противник.

Юнь Сыгуй кивнул:

— Как ты думаешь, кто это мог быть? Кто обладает такой силой, чтобы за столь короткое время одолеть Хай Цюншаня?

Глава Зала Правосудия на мгновение задумался.

— Глава школы, это дело непростое. В мире совершенствующихся не так много тех, кто мог бы так легко одолеть Хай Цюншаня, и все они — личности известные и вряд ли стали бы нападать без веской причины.

— Хоть и немного, но ты ведь один из них, не так ли? — вмешался старейшина Хай, в его голосе звучало откровенное обвинение.

Старейшина Хай был родственником Хай Цюншаня, и сейчас его глаза метали молнии. Он в упор посмотрел на главу Зала Правосудия.

— Я должен был догадаться! Когда глава школы предложил временно поместить Цюншаня под арест, почему ты так легко согласился? Ты уже тогда планировал его убить!

Старейшина Зала Правосудия не ожидал такого выпада и, потемнев лицом, холодно ответил:

— Старейшина Хай, выбирай выражения! Я, как старейшина Зала Правосудия, всегда был беспристрастен. К тому же, я весь вечер был в Зале Правосудия и выходил лишь раз, чтобы навестить своего правнука. Он может это подтвердить!

Услышав упоминание о Хэ Чуми, старейшина Хай ещё больше уверился в своих подозрениях.

— Хэ Чуми, конечно, будет на твоей стороне! Его словам грош цена! — усмехнулся он.

Напряжение между ними нарастало.

Юнь Сыгуй встал между ними и примирительно произнёс:

— Пока нет доказательств, не стоит делать поспешных выводов. Старейшина Зала Правосудия всегда был справедлив, а старейшина Хай просто убит горем. Вы оба печётесь о благе школы, зачем же ссориться из-за недоразумения?

Старейшины, хоть и были недовольны, не стали продолжать спор и молча кивнули.

Юнь Сыгуй с облегчением улыбнулся и уже серьёзно добавил:

— В таком случае, поручаю расследование этого дела Залу Правосудия и старейшине Хаю. Выясните всё как можно скорее и предоставьте отчёт.

Услышав, что расследование поручено двум заклятым врагам, все мысленно ахнули.

Но, поразмыслив, поняли, что это логично.

Юнь Сыгуй всегда избегал конфликтов, и стабильность для него была важнее справедливости.

Кланы Хэ и Хай были могущественны, и ссора с любым из них могла привести к непредсказуемым последствиям.

Поэтому он просто умыл руки и предоставил им разбираться самим.

Какова бы ни была «правда», которую они в итоге представят, она будет результатом компромисса между двумя кланами, и Юнь Сыгую останется лишь согласиться.

Таким образом, он и избежит ответственности, и сохранит видимость мира.

Старейшина Хэ покидал Утёс Раскаяния со своими учениками. Его шаги были твёрдыми, но в них сквозило раздражение.

Первый ученик, шедший за ним, после некоторого колебания тихо спросил:

— Старейшина, боюсь, это дело добром не кончится.

Старейшина Хэ остановился и, нахмурившись, недовольно посмотрел на него:

— Что? Ты тоже думаешь, что это я сделал?

Ученик, встретившись с его взглядом, испуганно замотал головой:

— Конечно, нет! Как я смею подозревать вас? Просто... — он понизил голос, — Школа Сокрытого облака защищена Строем Зелёной Сливы, умиротворяющим горы, оставленным Юэ Лофу. Чужак не мог сюда проникнуть. Значит, убийца — один из нас. А тех, кто мог бы так легко убить старшего брата Хая, можно пересчитать по пальцам одной руки. И если говорить о мотивах...

— Чушь! — старейшина Хэ, потемнев лицом, прервал его. — Какой у меня мотив?

Ученик испуганно втянул голову в плечи, но в его глазах всё ещё читалось сомнение.

Старейшина Хэ, видя это, хмыкнул и уже спокойнее добавил:

— Мой правнук, конечно, пострадал, но это не повод для убийства. К тому же, для клана важнее всего репутация. Выносить такой сор из избы невыгодно никому. Лучше было бы всё замять, а с клана Хай потребовать компенсацию. Ты что, меня за дурака держишь?

Ученик, услышав это, наконец всё понял и закивал:

— Вы правы, старейшина, это я глуп.

Самоуверенность Хай Цюншаня была вполне обоснована.

Он знал, что за любой проступок ему не грозит серьёзное наказание.

Он лишь не учёл, что Те Хэнцю — тот, кто способен перевернуть шахматную доску.

Старейшина Хэ прикрыл глаза, его мысли были в смятении.

— Кто же это сделал...

Ученик почесал в затылке:

— Если говорить о мотивах... может, Те Хэнцю?

Но тут же сам себя и опроверг:

— Да откуда у него такие способности!

— Те Хэнцю хитёр, но силой не блещет, — продолжил старейшина Хэ. — Иначе он не стал бы рисковать и публично обвинять Хай Цюншаня. Он просто мелкий пакостник. — В его глазах вспыхнул холодный огонёк. — Если бы не он, ничего бы этого не было!

Ученик закивал:

— Точно! Такие, как он, вызывают лишь отвращение.

Но тут старейшину Хэ словно осенило.

— Так это он!

Ученик опешил:

— Что? Старейшина, вы хотите сказать...

— Так или иначе, вся эта заваруха из-за этого выскочки! — сказал старейшина Хэ. — Раз клан Хай требует ответа, мы дадим им ответ.

Ученик тут же всё понял:

— Старейшина, вы хотите сделать Те Хэнцю убийцей?

— Сообразительный! — кивнул старейшина Хэ. — Раз уж этот щенок посмел влезть в наши дела, пусть не обижается, что станет козлом отпущения.

Ученик нахмурился:

— Но поверит ли старейшина Хай, что это сделал Те Хэнцю? У него ведь не хватит сил, чтобы убить старшего брата Хая.

— Поверит, не поверит — какая разница? — отмахнулся старейшина Хэ. — Неужели из-за какого-то мальчишки два великих клана начнут войну? Мой правнук тоже пострадал. Мы принесём друг другу извинения, может, подарим пару жил духовных камней, и на этом всё закончится.

Ученик задумчиво кивнул:

— Вы правы. Клан Хай хоть и потерял наследника, но если они смогут извлечь из этого выгоду, то вряд ли будут настаивать на правде.

Старейшина Хэ холодно усмехнулся:

— Именно. В мире благородных семей важнее всего выгода. Кто станет развязывать войну из-за мертвеца? К тому же, смерть Хай Цюншаня для них может быть даже на руку. В больших кланах всегда есть внутренние распри. Одним конкурентом меньше — кто-то, возможно, даже втайне рад.

Ученик восхищённо посмотрел на него:

— Вы, как всегда, мудры, старейшина. Я многому у вас научился.

Старейшина Хэ махнул рукой:

— Хватит болтать. Держи это при себе. А насчёт Те Хэнцю... позаботься, чтобы он «сознался в содеянном». С кланом Хай я поговорю сам.

— Слушаюсь, — почтительно ответил ученик.

Старейшина Хэ кивнул и посмотрел вдаль.

Солнце только что взошло, его золотые лучи окрасили облака в оранжевый цвет.

Две фигуры на высокой скорости неслись между гор, нарушая утреннюю тишину.

Те Хэнцю летел на мече, его клинок из зелёного нефрита рассекал утренний туман, оставляя за собой белый след.

За ним, словно тень, следовал первый ученик Зала Правосудия.

— Те Хэнцю, тебе не уйти! — его голос эхом разнёсся по ущелью.

Те Хэнцю молчал, лишь увеличивая скорость.

— Бам! — в его спину устремился сгусток энергии меча.

Те Хэнцю качнулся в сторону, позволяя энергии задеть его левое плечо. Горячая кровь тут же потекла по ключице.

Ученик, видя, что попал, воодушевился:

— Остановись, и я оставлю тебя в живых!

Те Хэнцю обернулся и злобно сплюнул:

— Катись к чёрту, пёс клана Хэ!

Ученик взревел от ярости:

— Ах ты, щенок!

И нанёс ещё один, более сильный удар.

Услышав свист рассекаемого воздуха, Те Хэнцю вовремя убрал защитную астральную ци.

Ледяной ветер пронёсся мимо, и окровавленные ресницы застлали ему взор багровой пеленой.

Сквозь эту пелену он разглядел в тумане очертания одинокого пика и рассчитал угол падения.

Третий удар ученика пришёлся как раз вовремя, и Те Хэнцю, как подкошенный, рухнул вниз, прямо перед Павильоном, где слушают снег, на Пике Ста Чжанов.

Ученик резко остановился.

— Это же... Павильон Юэ-цзуня...

Тело Те Хэнцю, словно сломанная кукла, упало с неба и тяжело ударилось о снег перед павильоном.

При падении он сломал старую сливу, росшую у входа.

Ветки треснули.

Несколько ранних красных цветков сорвались с ветвей. Лепестки, смешавшись с алыми брызгами крови, осыпались на свежевывапавший снег, словно кто-то опрокинул киноварь на белоснежный лист бумаги.

Те Хэнцю, прижимая руку к груди, прищурился. Он видел, как несколько лепестков, кружась, падают на снег, который едва не засыпал ему глаза.

Он прищурился и услышал лёгкий хруст снега под ногами — звук шагов, который он так хорошо знал, лёгкий, как тень на поверхности ледяного омута, и в то же время такой тяжёлый, что мог раздавить его сердце.

— Юэ... Юэ-цзунь... — ресницы Те Хэнцю задрожали. Он выглядел таким же жалким, как заблудившийся под дождём щенок.

Он с трудом открыл глаза и увидел, как качнулся край белых одежд.

На снегу их тени, разделённые тенью от сломанной ветки, были так близко и в то же время так далеко.

В этот момент на землю опустился и первый ученик Зала Правосудия.

— Первый ученик Зала Правосудия, Чжан Юаньшань, приветствует Юэ-цзуня! — он почтительно поклонился.

Он поднял глаза и встретился с холодным взглядом серых глаз Юэ Бочжи.

Взгляд был лишён каких-либо эмоций, но Чжан Юаньшань почувствовал, как по его телу пробежал холод, словно он уже был мертвецом.

Этот взгляд медленно скользил по его позвоночнику, и ледяной ужас взорвался у основания спины.

Во рту Чжан Юаньшаня появился привкус железа, дышать стало трудно.

Он в панике огляделся и, увидев усыпанную красными лепестками землю, понял: Юэ-цзунь в ярости из-за того, что они сломали его любимую сливу!

— Ученик заслуживает смерти! — Чжан Юаньшань тут же пал ниц, его голос дрожал. — Юэ-цзунь, простите! Я преследовал предателя Те Хэнцю. Он в панике пытался скрыться и ворвался в ваши владения, сломав вашу сливу! Я не смог его остановить, это моя вина, но всё это из-за него! Прощу, поверьте мне

<http://bllate.org/book/16975/1586682>